

МОЛОДОСТЬ СЕДИН

Вышла первая часть задуманной ставропольским автором Михаилом Усовым большой работы. В предисловии к книге «Судьбы», обращаясь к читателю, автор говорит, что он хочет рассказать о ребятах, живших в Георгиевске, о первых комсомольцах двадцатых годов, ибо в их судьбе — судьба поколения «революцией мобилизованного и призванного». Хочет рассказать потому, что «с каждым событием, с каждым движением времени он все сильнее чувствовал зов внутреннего голоса: «Помни! Не забудь о них».

Но когда читаешь странные, может быть, излишне строгие слова автора о некоторых привычках и вкусах современной молодежи, чувствуешь еще один «внутренний голос» — заботу о судьбах молодого поколения шестидесятых годов. Вот эти два голоса — голос собственного сердца и зов своего времени — и определяют пафос книги, ее искренность, ее задушевность.

О комсомольцах двадцатых годов много писали и пишут. Но если тема бессмертна и писатель талантлив, книга его все равно взволнует сердце, пробудит мысль.

В книге М. Усова нет «выдуманных историй, измышленных лиц». Перед глазами читателя проходят обыкновенные георгиевские ребята. Именно проходят, потому что мастерство писателя делает их живыми: мы видим общего любимца Саньку Веревкина, по прозвищу Бечева, неистощимого на шутки балагура, умеющего скрасить озорным словечком суровую жизнь ребят; вот Федя Шумаков — книголюб, «очкарик», первый из ребят, открывший том «Капитала», а потом — товаровед, кандидат экономических наук, героически боровшийся с голодом, холодом, смертью в ленинградскую блокаду и умерший от туберкулеза в Пскове... Вот Марфа, славная дивчина с «непокойными колечками» волос, верная подруга Феде, сумевшая стойко перенести все невзгоды жизни и даже такую, как незаслуженное исключение из партии... Лева Николаев,

комсомольский вожак, семнадцатилетним мальчиком он был послан на Алтай на комсомольскую работу.

...Обыкновенные георгиевские ребята. Обыкновенные потому, что, как и все ребята, и подраться любили, и, забросив учебники, исчезали на весь день, хотя и знали, что вечером мать учинит расправу; и, спрятавшись за кустами, могли довести до иступления любимого учителя своими «ме-ке-ке», издеваясь над козлиным клинышком его бородки.

Обыкновенные и необыкновенные. Потому что герои, потому, что советские люди: комсомольцы, а потом — коммунисты. Потому что в трудную минуту всегда на переднем крае.

Некоторые погибли. Многие остались живы. И как прежде, впереди. Но и те и другие теперь будут жить еще дольше: их товарищ сложил о них вдохновенную песню. Именно песню. Потому что книга написана в приподнятом, торжественном тоне, удивительно убедительном. Убедительно потому, что чувство меры и такта не изменяет автору: о трагических событиях он говорит скупой и просто, но там, где это нужно, голос автора звучит, как реквием погибшему товарищу: так повелело сердце.

Давайте перечитаем место, где автор вспоминает об «отцах-коммунистах»: «Скупы были проводы. Боевым заданием является сбор зерна. В один из зимних дней, скрипя полозьями деревянных саней и глухо стуча окованными колесами бричек, медленно вошел в Георгиевск траурный кортеж. Присыпанные снегом, недвижимые тела. В них—скрюченных в предсмертных муках, изрубленных и истерзанных, замороженных лютой стужей — лишь матери и жены узнали дорогих людей, вчера еще живых, утешавших своих близких: «Не на век уезжаем, свидимся. Не нам, так другим, а все равно ехать надо. Без хлеба не жить»: И вот—свиделись... Никто из продотряда в двадцать два человека, выехавших в Сухую Падину, не вернулся живым».

Или страницы, посвященные Мкртычану, первому из армян, вступивших в комсомол... Он погиб от руки дашнаков.

«Прости нас, дорогой Мкртыч, наш товарищ, наш брат!.. Мы были далеко от тебя, Мкртыч, а враг близко, рядом с тобой. Ты оказался один против четырех. Они схватили тебя, сбили с ног, навалились рычащей грудой. Ты поздно понял, что попал в западню, Мкртыч. По вытоптанной траве, вмятинам в сырой лесной земле мы поняли, как ты отбивался один от четырех, как не хотел уходить из жизни, ведь вся она еще была впереди — прекрасная, неповторимая, единственный раз даруемая каждому человеку?»

И так на протяжении всей повести: пишет автор о дружбе — это гимн дружбе, пишет о хлебе — это гимн хлебу насущному, пишет о любви, — это гимн любви, которую его поколение не представляло «без черемухи».

У Паустовского в «Золотой Розе» есть такая мысль: «Поэтическое восприятие жизни, всего окружающего — величайший дар, доставшийся нам от детства. Если человек не растеряет этот дар на протяжении долгих трезвых лет, то он поэт или писатель».

Когда читаешь книгу М. Усова, удивляешься молодости писателя, молодости седин его ныне здравствующих товарищей по боям, по жизни. Поэзия правды, умение перевоплотиться, вновь пережить дни детства и юности, заставить читателя пережить все это, умение и сказать веское слово умудренного жизнью человека — одно из основных достоинств книги «Судьбы».

Спасибо скажут писателю шестидесятилетние, спасибо скажут и шестнадцатилетние, внуки дедов, несмотря на то, что деды частенько журят их за узкие брюки и рубашки, напоминающие «шахматные доски». Спасибо скажут потому, что, взяв в руки, спичечную коробку, они вспомнят, какой редкостью были для старших обыкновенные спички. И какие это были спички! А при виде хлеба, может быть, вспомнят, как замерз безвестный батрак, выследивший хозяина и нашедший еще в себе силы раскрыть кулацкую кладовку и выставить от скирды к поселку два мешка с зерном, чтобы люди нашли хлеб... Возможно, проходя мимо

музея или библиотеки, иной раз молодые предпочтут эти тихие заведения шумной танцплощадке, вспомнив, как жадно тянулись к знаниям георгиевские ребята и как мало было возможностей удовлетворить знания... А спеша на свидание, не забудут взять с собой ветку черемухи...

Оптимизм звучит и в предисловии, и в самой книге. В одном из «лирических отступлений» автор говорит: «Никто из комсомольцев не мог себе представить, что когда-то на их место заступят бригады содействия милиции, что повсюду возникнут отряды дружинников, которые станут с такой же самоотверженностью, как и они, ребята двадцатых годов, бороться со злом. Внуки комсомольцев двадцатых годов достойно продолжают традиции своих отцов и дедов.

Книга «Судьбы» очень поможет всем, кто строит жизнь, мыслит, ищет. Там есть один интересный момент: и у молодежи двадцатых годов романтика битв уступила место обыденной жизни. Именно тогда некоторые из комсомольцев отошли от боевых товарищей, как это произошло с Петькой Цеменга. Писатель объясняет и это жизненное явление: «Юностью есть юность, она жаждет необычного, сверхъестественного, жаждет подвига. А подвиг мыслился на единственном месте — на поле брани. Но уже пели ребята на вечерах самодеятельности:

Так вспомним, братцы, былое время,

Когда трещал наш пулемет...

Вчерашнее, еще такое памятное, почти осязаемое, становилось былым, отошедшим временем. Романтика революционных потрясений и битв возвышала в наших глазах это былое. А жизнь не могла застыть, превратиться в какой-то романтический иконостас. Кто понял это, — до конца остался верен себе.

Многие наши ребята, мне кажется, как раз превращают трудности жизни Павки Корчагина в такой «романтический иконостас», когда говорят: «Сейчас в ком-

сомале неинтересно. Вот раньше было другое дело...»

Большие проблемы поднимает книга «Судьбы». Она, безусловно, полезна, актуальна и интересна своей правдой.

Лидия АНОХИНА.